

ствием правовых средств и социальными результатами, на которые оно направлено.

Строение психологического уровня механизма правового регулирования находится во взаимосвязи с его общими структурными характеристиками и должно рассматриваться в определенном соотношении с ним.

Соответственно может быть сформулировано понятие психологической структуры правового регулирования, которое предназначено для того, чтобы отразить психологические (социально-психологические) элементы механизма правового регулирования в их взаимных связях и влиянии, выразить их зависимость от характера используемых нормативно-правовых средств, форм и способов правового воздействия и его организационно-юридических процедур. Необходимо отметить, что это аналитическая структура, представляющая собой теоретическую абстракцию, необходимую для анализа строения психологического звена механизма правового регулирования. Не все элементы и связи, входящие в нее, включаются в каждом конкретном случае в процесс правового регулирования. Сочетание этих элементов и характер связей могут меняться, отражая особенности ситуативной обусловленности и специфику правового воздействия. Понятие же психологической структуры правового регулирования охватывает все психологические процессы и механизмы, которые постоянно присутствуют или ситуативно включаются в этот процесс.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

С.А. Балашенко

За последние годы законодательными органами Республики Беларусь приняты ряд законодательных актов, затрагивающих различные стороны общественной жизни.

Знакомство с некоторыми из них порождает определенные сомнения в компетентности специалистов, занимающихся законодательской деятельностью в той или иной отрасли.

Возьмем самый нейтральный документ, не затрагивающий каких-либо политических аспектов — Закон Республики Беларусь “Об охране и использовании животного мира” от 19 сентября 1996 г. Попытка выяснить авторов законопроекта не увенчалась успехом.

Анализ данного Закона дает достаточное представление об уровне законодательной мысли, выявляет некоторые проблемы законодателя в понимании правовых категорий и отход от традиционных принципов законодательства.

Остановимся на некоторых из них:

1. Сложившаяся практика указывает, что различные слова, используемые в нормах, имеют различную смысловую правовую нагрузку, если даже они являются синонимами. В нашем случае законодатель дал определение категорий “животный мир” и “объект животного мира”, но сам недостаточно уяснил их содержание.

Так, статья 4 гласит: “... Объекты животного мира, изъятые из среды обитания в установленном порядке, могут находиться в частной, государственной, коллективной собственности. Отношения по владению, пользованию и распоряжению такими животными регулируются настоящим Законом...”

Но в статье 3 указано, что отношения в области охраны и рационального использования сельскохозяйственных и других животных, а также диких животных, содержащихся в неволе и используемых в хозяйственных, научных, культурных и иных целях, не регулируются данным законом.

Далее, в статье 9, законодатель определяет, что местные Советы в пределах своей компетенции решают вопросы распоряжения объектами животного мира, вместе с тем не понятно, как и могут ли местные Советы распоряжаться животными, находящимися в частной или коллективной собственности (т.к. необходимо учитывать, что категория “объекты животного мира”, по всей видимости, включает и животных, изъятых из среды обитания). Не урегулировано и к компетенции какого уровня местных Советов депутатов относится распоряжение теми или иными объектами животного мира.

2. В статье 7 предлагается пять основных принципов государственного управления в области охраны и устойчивого использования животного мира:

- осуществление пользования животным миром способами, не допускающими жестокого обращения с животными, в соответствии с принципами гуманности;
- недопустимость совмещения деятельности по осуществлению государственного контроля за использованием и охраной животного мира с деятельностью по использованию объектов животного мира;
- отделение права пользования животным миром от права пользования землей, другими природными ресурсами;
- платность пользования животным миром;
- приоритет принципов международного права в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания.

Нужно уточнить, что большинство из предложенных пунктов не являются принципами управления, а, в лучшем случае, называются принципами рационального пользования животным миром. К сожа-

лению, законопроект визировался минимум двадцатью ведомствами, которые входят в систему органов управления, да и был принят депутатами, которые знают принципы управления.

3. Интерес вызывает и глава III, именуемая "Охрана животного мира". В нее вошли и должностные лица с их правами и обязанностями.

А именно: Статья 32. Права должностных лиц; Статья 33. Права работников, осуществляющих охрану объектов животного мира в арендованных охотничьих и рыболовных угодьях; Статья 34. Права должностных лиц на ношение, применение и использование табельного оружия; Статья 35. Социально-правовая защита и страхование должностных лиц.

Мы не ставим цель принизить роль социально-правовой защиты должностных лиц специально уполномоченных государственных органов в области охраны и использования животного мира, но положения, регламентирующие охрану и правовое положение должностных лиц, не могут размещаться в вышеназванной главе. Также необходимо уточнить, что эти отношения не регулируются данной отраслью права, а применение оружия должностными лицами не имеет ничего общего с охотой.

4. Статьей 36 определяются пользователи животного мира. Ими могут быть юридические и физические лица независимо от форм собственности, в том числе и иностранные, а также иностранные государства и международные организации.

В данном случае нужно обладать значительной долей фантазии для определения случаев, когда иностранные государства являются пользователями животного мира Республики Беларусь.

5. В статье 63 главы V законодатель указывает, что система платежей за пользование животным миром включает в себя штрафы и иски за нарушение законодательства об охране и использовании животного мира, сверхлимитное изъятие объектов животного мира. Думается, что такая формулировка, не совсем корректна для правового государства, которое мы строим, и необходимо разграничивать понятия "платежи" и "санкции за нарушение законодательства".

Забыто и такое специфическое понятие, как материальная ответственность за нарушение законодательства об охране животного мира.

Сходное впечатление производит и новая редакция Закона о праве собственности на землю. Представляется, что законодатель недостаточно уверенно владеет некоторыми правовыми категориями. Конечно, эти частные случаи не отражают уровень законодательных актов, регулирующих другие стороны общественной жизни, но нормативные акты, принятые с погрешностями, не могут качественно выполнять свое функциональное назначение.

Законотворческая деятельность предполагает очень высокую квалификацию, специализацию именно в той отрасли, в которой го-

товится законопроект, детальное владение смежными отраслями. Принятие одного закона прекращение деятельности другого для социального управления сопоставимо с трансплантацией жизненно важных органов у человека. И если операцию проводят “профессионалы”, настолько же далекие от медицины, как и от отрасли права, в которую пытаются вторгнуться, результат такой операции нетрудно предвидеть.

ЛАБИЗМ У СФЕРЫ ЗАКАНАДАЎЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ

С.А. Жайняровіч

Пераклад аб’ектыўнай сутнасці грамадскіх адносін у сферы эканомікі на мову юрыдычных актаў мае спецыфічныя асаблівасці, якія выцякаюць з адметнасці прадмета прававога рэгулявання.

Заканадаўца пры фармуляванні нормаў права кіруецца, у першую чаргу, уласнай і вядомай яму грамадскай правасвядомасцю (разуменнем сутнасці права), і ўяўленнем аб грамадскіх адносінах, якія складуць у будучым аб’ект прававога рэгулявання. Эканамічныя адносіны патрабуюць ад творцаў права супадзення правілаў, сфармуляваных у нормах права аб’ектыўным законам эканомікі. Галоўнай цяжкасцю ў сферы адэкватнага перанясення рэалій эканамічнага жыцця ў заканадаўчыя акты выступае невідавочнасць і неэмпірычнасць законаў эканомікі. Яны (гэтыя законы), у адрозненне ад законаў механікі або оптыкі, не могуць быць успрынятыя інакш, акрамя як шляхам лагічных разважанняў з дапушчэннем у вызначанай ступені абстракцыяў. З-за гэтага законы, на падставе якіх функцыянуе эканоміка, не могуць быць аб’ектам ведаў усіх членаў грамадства. Толькі пасведчаныя, спецыяльна адукаваныя людзі ў стане суадносіць, разважаць або сцвярджаць, што тыя ці іншыя дзеянні дзяржавы або нормы грамадскага жыцця адпавядаюць ці не адпавядаюць усеагульным і аб’ектыўным канонам эканамічнай тэорыі. У сувязі з гэтым на заканадаўцу ўскладаецца дадатковы цяжар: вынік яго працы павінен не толькі быць дасканалым з пункту гледжання права (логікі закона), але і з максімальнай дакладнасцю перадаваць сутнасць “нябачных” законаў эканомікі, якія часцяком супярэчаць дамінуючым у дадзеным грамадстве ўяўленням аб форме і метадзе рэгулявання эканамічных грамадзянскіх адносін.

Безумоўна, што грамадства зацікаўлена ў максімальным набліжэнні нормаў права да аб’ектыўных законаў (казаць аб іх суцэльным супадзенні, на жаль, не выпадае), бо ад гэтага залежыць жыццяздольнасць законаў. Трываласць нормаў права, у сваю чаргу, забяспечвае стабільнасць грамадскіх адносін і гарантаваныя ўмовы дзеянняў суб’ектаў права.